

Первые переводчики с русского языка в Швеции раннего Нового времени

А. В. Толстиков, В. В. Рыбаков

Для цитирования: Толстиков А. В., Рыбаков В. В. Первые переводчики с русского языка в Швеции раннего Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 800–816. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.308>

В статье рассматривается слабо изученный пласт истории шведско-русских дипломатических контактов в первой половине XVI в. По архивным материалам шведского и русского происхождения восстанавливаются судьбы переводчиков с русского языка, чья деятельность в Швеции пришлась на период правления Густава I Васы (1523–1560 гг.). С точки зрения авторов, истоки профессионального корпуса «русских толмачей» (*ryssetolkar*), хорошо известного в Швеции со второй половины XVI столетия, следует искать как раз в изучаемом периоде — эпохе возникновения системы европейской международной дипломатии раннего Нового времени. Предыстория указанной социoproфессиональной группы, коллективный портрет которой в эпоху расцвета (прежде всего в XVII в.) представлен в работах финляндского историка Кари Таркиайнена, становится предметом специального интереса и подробно прослеживается впервые. Истоки формирования данного сообщества предлагается отсчитывать с рубежа 1530 и 1540-х гг. Причем высказывается предположение о роли ганзейской среды на начальном этапе этого процесса, поскольку первые известные по именам толмачи — Альбрехт Толмач и Ларенс ван Фернен — были, по всей видимости, немецкого происхождения, хотя наши сведения о них весьма скудны. Несколько больше известно о трех других толмачах: Микеле Андерссоне, Хансе Ларссоне Скальме и особенно о Бертиле Йоранссоне. Авторы статьи приходят к выводу, что уже на стадии

Александр Владимирович Толстиков — канд. ист. наук, доц., Петрозаводский государственный университет, Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33; nbs-ed@petsru.ru

Alexander V. Tolstikov — PhD (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University, 33, pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; nbs-ed@petsru.ru

Владимир Владимирович Рыбаков — канд. ист. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., 6; vlrybakov@mail.ru

Vladimir V. Rybakov — PhD (History), Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya pl., Moscow, 125047, Russian Federation; vlrybakov@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00432 «Российское государство в международных отношениях конца XVI — начала XVII в.: исследование и публикация дипломатической переписки», руководитель К. Е. Ерусалимский. Авторы выражают признательность за помощь в работе над статьей профессору Киммо Катаяла и научному сотруднику Юрию Шикалову (Университет Восточной Финляндии).

The article is supported by the Russian Scientific Foundation, project “Russian state in the international relations in the end of the 16th and the beginning of the 17th century: Study and publication of the diplomatic correspondence” (No. 20-18-00432), project leader — K. E. Jerusalemky. The authors express their deep gratitude to Professor Kimmo Katajala and University Researcher Yuri Shikalov (University of Eastern Finland) for their consultation and bibliographical assistance.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

зарождения изучаемой социопрофессиональной группы для «русских толмачей» было характерно наличие связей с Финляндией, прежде всего с Выборгским замком. Кроме того, источники рассматриваемого периода фиксируют специальные поездки будущих толмачей в Россию для изучения русского языка, а также наличие между ними родственных и свойственных связей. Хотя две последние упомянутые черты в первой половине XVI в. выражены не очень ярко, они станут весьма характерны для сообщества «русских толмачей» позднее.

Ключевые слова: социальная история, толмач, переводчик, дипломатия, Швеция, Россия, Густав Ваза, Иван IV.

The First Russian Interpreters in Early Modern Sweden

A. V. Tolstikov, V. V. Rybakov

For citation: Tolstikov A. V., Rybakov V. V. The First Russian Interpreters in Early Modern Sweden. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 3, pp. 800–816. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.308> (In Russian)

The article reconstructs lives of several Russian-language interpreters acting in Sweden during the reign of Gustav I Vasa (1523–1560) on the basis of Swedish and Russian archival sources. The socio-professional group of Russian-language interpreters (*ryssetolkar*) has been well known in Sweden since late 16th century, and its best times (mainly in the 17th century) are thoroughly studied by the Finnish historian Kari Tarkiainen. The authors suggest that the origins of this group should be sought in late 1530s — early 1540s, and that the Hanseatic environment might have played a part in this process at its earliest stage because the first interpreters known to us by names, Albrecht Tolck and Larens van Värnen, seem to have been of German origin, although we know very little of them. Three other *ryssetolkar* — Michel Andersson, Hans Larsson Skalm, and especially Bertil Jöransson (Jörenssohn, Göranssohn) — are somewhat better known. The authors conclude that close connections to Finland, especially to the castle of Viborg (Fin. *Viipuri*, Rus. *Vyborg*), were typical of the members of this socio-professional group at the very initial phase already. In addition, the sources of the period in question show that prospective interpreters could go to Russia to study Russian and that they sometimes were bound by family ties. The two latter features were not so prominent in the first half of the 16th century, but they would become very typical of the *ryssetolkar* community later on.

Keywords: social history, *ryssetolk*, interpreter, diplomacy, Sweden, Russia, Gustav Vasa, Ivan IV.

Раннее Новое время известно как эпоха зарождения современного международного права. Времена возникновения абсолютных монархий — это и времена Гуго Гроция, то есть источник новых юридических теорий, которым было суждено большое будущее. Не только пираты и авантюристы, но также купцы и дипломаты стали символом XVI и первой половины XVII столетий (вспомним легионеровское «время купцов», повторенное Л. М. Баткиным¹). В этот период в орбиту европейской истории вовлекаются османская Турция и Россия под именем Московии — почти такие же мощные субъекты военного и политического действия, как державы Англии, Франции и Священной Римской империи.

¹ Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995. С. 21–23.

Старым монархиям Европы нужно было устанавливать дипломатические связи с новыми и плохо знакомыми государствами, экстраполировать посольские ритуалы прошлого на новые направления международной политики, возникавшие по мере расширения горизонтов западного мира. И одним из важных новшеств становятся корпорации переводчиков при дворах монархов, которые должны были обслуживать растущие, все более интенсивные взаимные контакты².

Дипломатия эпохи Ренессанса — излюбленный предмет исторических исследований, породивший не один десяток монографий, начиная с классической и до сих пор сохранившей свое значение книги Гаррета Мэттингли³. Там затрагивается, конечно, и вопрос о роли переводчиков, но специальное и пристальное внимание этому роду деятельности историки стали уделять сравнительно недавно⁴, в особенности (что неудивительно) специалисты по истории отношений западноевропейских государств с Османской империей, в которой существовал важнейший институт дипломатических переводчиков — драгоманов⁵.

В общеевропейском раннемодечном контексте большой интерес, на наш взгляд, представляют шведские *ryssetolkar* (в нынешней орфографии *rysstolkar*), то есть «русские толмачи»⁶, игравшие важнейшую роль в отношениях шведского королевства с Московским государством в XVI–XVII вв. Самый заметный вклад в их изучение именно как профессиональной группы внес финляндский историк (долго работавший в Швеции, а в настоящее время живущий в Эстонии) Кари Таркиайнен. Однако наиболее подробно он осветил деятельность шведских «русских толмачей» между 1595 и 1661 гг., в период между Тявзинским и Кардисским договорами, когда отношения между Россией и Швецией, с одной стороны, были весьма интенсивными, насыщенными яркими событиями в военной, культурной, экономической и политической сферах, а с другой — неплохо обеспечены источниками (шведскими в первую очередь)⁷.

---

² См. об этом подробнее: Roland R. A. *Interpreters as Diplomats: A Diplomatic History of the Role of Interpreters in World Politics*. Ottawa, 1999.

³ *Mattingsly G. Renaissance Diplomacy*. Boston; Cambridge, 1955.

⁴ Ср., например: *Cáceres-Würsig I. The jeunes de langues in the Eighteenth Century: Spain's First Diplomatic Interpreters on the European Model* // *Interpreting*. 2012. Vol. 14, issue 2. P. 127–144.

⁵ *Rothman E. N. The Dragoman Renaissance: Diplomatic Interpreters and the Routes of Orientalism*. Ithaca, 2021.

⁶ Здесь следует сделать одно замечание о терминологии. Различие между толмачом, специализировавшимся на устном переводе, и переводчиком, способным выполнить перевод письменный, сформировалось в русском языке, по-видимому, лишь к началу XVII в. Также и в нижненемецком языке (о возможной роли ганзейской традиции в контексте интересующего нас здесь вопроса будет сказано далее) оппозиции значений в рассматриваемый период не существовало (*Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов*. М., 2002. С. 146–147). То же самое, по-видимому, можно сказать и о шведском языке XVI в.: большинство *ryssetolkar* этого времени, несомненно, занимались письменным переводом и могут с полным основанием называться именно переводчиками в указанном смысле. Мы, однако, будем в дальнейшем использовать применительно к ним слово «толмач» как по стилистическим соображениям, так и потому, что в современных им русских источниках они обычно именовались толмачами. Заметим, кроме того, что в современном шведском языке у слова *tolk* тоже имеется оттенок значения ‘устный переводчик’. Например, в «Словаре Шведской академии» употребление этого слова в отношении письменного переводчика оговаривается специально и во вторую очередь. См.: *Tolk* // *Svenska akademien ordbok*. URL: https://www.saob.se/artikel/?unik=T_1881-0055.438U (дата обращения: 27.10.2021).

⁷ См. прежде всего: *Tarkiainen K.*: 1) *Venäjätulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661* // *Historiallinen arkisto*. 1969. Vol. 64. S. 5–136 (на с. 69–95 здесь опубликован список

Предшествующим, начальным, этапом деятельности «русских толмачей» в Швеции К. Таркиайнен занимался намного меньше. Множество сведений о «русских толмачах» XVI в. разбросаны также по страницам исследований шведских и финляндских историков на темы, напрямую не связанные с историей отношений между Россией и Швецией, но обобщенной картины, подобной тому «коллективному портрету», что К. Таркиайнен нарисовал для периода с 1590-х гг., пока не существует.

Еще хуже дела обстоят с интеграцией этих сведений, извлеченных преимущественно из источников шведского происхождения, в контексте исследований по истории российской дипломатии. Между тем именно в этой области недавно намечился явный рост интереса к роли переводчиков на государственной дипломатической службе в XVI — начале XVIII в.⁸ Правда, в большинстве случаев при этом рассматриваются главным образом переводчики, представлявшие российскую сторону, а об их западноевропейских и прочих коллегах написано гораздо меньше⁹.

Цель настоящей статьи — попытаться по возможности уменьшить историографическую лагуну, образовавшуюся в этой области применительно к Швеции XVI столетия. В данном случае мы сосредоточимся на предыстории и самом раннем этапе истории профессионального корпуса¹⁰ «русских толмачей» на службе

из 83 «русских толмачей» указанного периода с биографическими сведениями); 2) Rysstolkarna som yrkeskår 1595–1661 // Historisk tidskrift. 1972. Årg. 92. No. 4. S. 490–522; 3) Bengt Mattson och Johan Bengtsson Roselin — två generationer svenska slavister i början av 1600-talet // Äldre svensk slavistik. Uppsala, 1984. S. 12–24; 4) Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors, 2017. S. 205–224. — Отметим здесь же еще две публикации, важные в контексте истории шведских «русских толмачей»: *Svalenius I.* Rikskansliet i Sverige 1560–1592. Stockholm, 1991. S. 177–180; *Maier I., Droste H.* Från Boris Godunov till Gustav II Adolf: översättaren Hans Flörich i tsarens och svenska kronans tjänst // Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures. 2010. No. 50. P. 47–66. URL: <http://uu.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A394544&dsid=-6029> (дата обращения: 17.11.2021).

⁸ См., например, материалы двух конференций: Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1, 2 / отв. ред. Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин. М., 2019, 2021. — О переводчиках с греческого языка вышла отдельная монография: *Оборнева З. Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020. Кроме того, отметим для полноты картины ценный обзор Н. Ангерманна, посвященный немецким переводчикам и толмачам: *Angermann N.* Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Rußland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit: Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1998. S. 221–250.

⁹ Есть, однако, исключение, см. о деятельности датских переводчиков с русского языка в конце XVI — начале XVII в.: *Лунд К.-Х.*: 1) К первому опыту дипломатического перевода с русского на датский // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 51–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-pervomu-opytu-diplomaticheskogo-perevoda-s-russkogo-na-datskiy> (дата обращения: 17.11.2021); 2) Переводчик Нильс Мунк и языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в первые два десятилетия XVII в. // Там же. 2017. № 1. С. 7–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodchik-nils-munk-i-yazykovoy-aspekt-datskih-diplomaticheskikh-otnosheniy-s-rossiyei-v-pervye-dva-desyatiletija-xvii-v> (дата обращения: 17.11.2021); *Лунд К.-Х., Иванова О. В.*: 1) Хенрик Олуфсен — датский переводчик XVI в. // Там же. 2012. № 5. С. 88–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/henrik-olufsen-datskiy-perevodchik-xvi-v> (дата обращения: 17.11.2021); 2) Под знаком Севера: языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в конце XVI в. // Там же. 2014. № 5. С. 87–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pod-znakom-severa-yazykovoy-aspekt-datskih-diplomaticheskikh-otnosheniy-s-rossiyei-v-kontse-xvi-v> (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁰ Именно так, *yrkeskår*, назвал эту группу К. Таркиайнен в одной из своих шведскоязычных публикаций, посвященной «русским толмачам» более позднего времени — 1595–1661 гг. (см. выше сноску 7). Разумеется, если исходить, например, из простой численности группы или плотности

у шведского государства. Мы постараемся показать, что его формирование следует отсчитывать приблизительно с рубежа 1530 и 1540-х гг. Мы также намерены уточнить биографические сведения о самых первых известных нам *ryssetolkar* — тех, чья деятельность наверняка или с большой долей вероятности началась до 1550-х гг., когда (в особенности после войны 1555–1557 гг.) несколько изменяется характер российско-шведских отношений, они интенсифицируются и у нас появляется чуть больше источников как с той, так и с другой стороны¹¹. История же корпуса шведских «русских толмачей» во второй половине XVI в. заслуживает, по нашему мнению, отдельного рассмотрения (хотя ниже, говоря о деятельности первых толмачей, мы немного затронем и вторую половину столетия).

Разумеется, переводчики (прежде всего, очевидно, устные) с русского языка существовали в Северной Европе вообще и в Швеции в частности задолго до XVI в. Если в древнейшем шведско-новгородском Ореховецком договоре 1323 г.¹² прямо о переводчиках не упоминается, то, как нередко подчеркивается в исследовательской литературе, в латинском тексте новгородско-норвежского договора, заключенного практически в то же самое время, в 1326 г.¹³, сказано, что «при заключении этого мира был Вернекин толмач» (*Inter istam pacem factam fuit Vernekinus interpres*)¹⁴.

Само слово *tolk*, обозначавшее толмача, известно еще в древнешведском языке и, возможно, наряду с древнедатским и древненорвежским *tolk* и древнеисландским *tulkur* происходит непосредственно от древнерусского *тѣлкѣ*, хотя по этому поводу высказывались различные мнения. Нередко предполагается, что в данном случае заимствование было опосредовано литовским (*tūlkas*) и нижненемецким (*tolk*), чему, впрочем, как считает Е. А. Мельникова, противоречат некоторые глубоко лингвистические обстоятельства (многоступенчатость изменения корневого гласного *-o-/-u-*), а также хронология: в XII–XIII вв. указанные лексемы уже употребляются в древнескандинавских источниках, тогда как в нижненемецком слово *tolk* надежно фиксируется впервые в 1250-х гг.¹⁵

Представляется тем не менее, что, как бы ни обстояло дело в отношении этимологии, почтенная ганзейская традиция изучения русского языка (имена отдельных ганзейских толмачей известны с тех же 1250-х гг., а как минимум с рубежа XIV

горизонтальных связей внутри нее, то самых первых «русских толмачей», о которых пойдет речь далее, едва ли можно без оговорок считать представителями профессионального корпуса. Консолидация его происходила уже во второй половине XVI столетия. Однако, как будет видно из дальнейшего, отдельные признаки этого процесса стали заметны уже к концу рассматриваемого нами периода.

¹¹ По всей видимости, одной из причин упомянутых изменений следует считать появление Посольского приказа в середине столетия.

¹² Ореховецкий договор 1323 г. сохранился в довольно поздних копиях (самые первые из известных нам составлены на латыни в XV столетии).

¹³ Договор 1326 г. тоже известен по поздним копиям, которые, однако, восходят к утраченным в XVIII столетии спискам XIV в.

¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер, Е. А. Рыдзевская; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 70.

¹⁵ Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования: 1982 год. М., 1984. С. 73. — См. также статьи *Tolker* в базах данных, основанных на известных словарях К. Ю. Шлютера и К. Ф. Седервалля: Fornsvensk lexikalisk databas. URL: <https://spraakbanken.gu.se/fsvldb/> (дата обращения: 02.11.2021); Fornsvenska: Schlyter och Söderwall // Karp. URL: <https://spraakbanken.gu.se/karp/> (дата обращения: 02.11.2021). О лексеме *tolk* в нижненемецком см.: Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород. С. 141–149.

и XV вв. при магистратах Дерпта и Ревеля и, возможно, Риги существовала особая должность русского толмача — *tolckampt*¹⁶) все же могла оказать некоторое влияние на расширение круга соответствующих специалистов в шведских (прежде всего в финляндских) городах. Происходило это по крайней мере с конца XV в., когда распространилась так называемая необычная российско-ганзейская торговля (*ungewonlicke kopenschop*), в которой заметную роль стал играть Выборг, имевший давние и тесные связи с Ревелем¹⁷. Во всяком случае, у нас есть любопытное свидетельство (правда, единичное): в мае 1506 г. на собрании представителей ливонских городов был провозглашен запрет всем, кто принадлежит к Ганзе, отправлять собственных сыновей и вообще молодежь в Выборг для изучения русского языка (*Item is eyndrechtliken dorch beyder heren radessenebaden boslaten und berecesset, dat nymant in der hense wesende syne kynder offt junge knechte sal na Wiborch, umme de sprake to leren in Ruslandt schicken, bii der stede gerichte*)¹⁸.

Впрочем, так или иначе, речь здесь идет о ситуации в сфере частной торговли в городах, на уровне же российско-шведских дипломатических отношений в начале XVI в., по всей видимости, преобладала латынь (хотя заметна и некоторая роль нижненемецкого — тогдашнего *lingua franca* в Балтийском регионе). По крайней мере, из известных текстов договоров между Швецией и Новгородом / Россией за период с 1468 по 1537 г. не представлены латиноязычными версиями только договоры за годы 1468 (шведский и нижненемецкий), 1473 (шведский), 1482 (шведский) и 1487 (нижненемецкий). Для последующих соглашений — за 1497, 1504, 1510, 1513 (текст ратификационной грамоты), 1524 (плюс некоторые материалы переговоров посольства Эрика Флеминга в Москве в 1526 г.), 1535 и 1537 гг. — сохранились латиноязычные версии¹⁹. В данном контексте показательными кажутся два следующих свидетельства. В январе 1507 г. финляндский наместник Эрик Турессон (Бьельке) (ум. 1511), сообщая регенту Швеции Сванте Нильссону Стуре о прибытии в Выборг (по пути назад из Стокгольма) российского посла, замечает, что при нем находился тот же латинский толмач, который был с ним в Стокгольме (*hade met siigh then samme latine tolck, som met honum war j Stokholm*)²⁰. А два года спустя, в феврале 1509 г., Эрик Турессон просит абоского епископа Юхана прислать для переговоров с русскими (наряду с подходящим мирянином) кого-нибудь из капел-

¹⁶ Об этом см.: Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород. С. 84–98.

¹⁷ Об этой «необычной торговле» в целом см.: Бессуднова М. Б.: 1) «Необычная торговля» как фактор видоизменения русско-ганзейских отношений в XV — начале XVI века // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1–5. URL: <https://www.novsu.ru/file/1571602> (дата обращения: 03.11.2021); 2) Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб., 2021. С. 64–87. О роли Выборга в ганзейской торговле см.: Корпела J. Viipurin läänin historia II: Viipurin läänin synty. Lappeenranta, 2004. S. 137–183.

¹⁸ См. документ в базе данных по средневековой истории Финляндии: DF 5180 // Diplomatarum Fennicum. URL: <http://df.narc.fi/document/5180> (дата обращения: 03.11.2021). На этот запрет в интересующем нас здесь контексте недавно обратил внимание К. Таркиайнен (со ссылкой на приведенную выше книгу Ю. Корпелы): *Tarkiainen K. Moskoviten*. S. 209. См. также ниже о Ларенсе ван Фернене.

¹⁹ См.: *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar*: 15 d. D. III / utg. af O. S. Rydberg. Stockholm, 1895. S. 292–296, 325–327, 360–362, 404–407, 448–451, 502–506, 560–564, 579–581, 640–642; D. IV / utg. af O. S. Rydberg. 1888. S. 74–89, 181–194.

²⁰ DF 5224 // Diplomatarum Fennicum. URL: <http://df.narc.fi/document/5224> (дата обращения: 05.11.2021).

ланов, хорошо знающих латынь: «...hiid skicke en godh fornwmostogh man aff cappellet, ther wel kan latine och tala for sigh...»²¹

Однако к тому времени в сфере дипломатии уже вполне могла ощущаться проблема нехватки переводчиков непосредственно с русского языка. Во всяком случае, вероятно, осенью 1506 г. король Дании и Норвегии, а в 1497–1501 гг. также и Швеции, Ханс (1455–1513), который поддерживал сравнительно интенсивные контакты с Россией, написал Василию III (на латинском языке!), что узнал о некоем финне Сиварде, долго пробывшем в российском плену (*jntelleximus quendam Siuarum, natione finnonem, Muscouie ciuitate maiestatis vestre iam multis temporibus sub captiuitate teneri*), и попросил прислать его для использования в качестве переводчика, так как, по словам короля, у него нет никого, кто умеет читать и писать по-русски (*quandoquidem hic neminem habemus, qui linguam rutenorum scribere et legere possit aut valeat*)²².

Нам, увы, ничего не известно ни о судьбе упомянутого Сиварда, ни о подобного рода инициативах со шведской стороны. На сохранение роли латыни и, вероятно, нижненемецкого в качестве языков-посредников в российско-шведских дипломатических отношениях в начале XVI в. косвенно указывает и отсутствие датирующихся этим временем примеров употребления самого композита *ryssetolk* «русский толмач».

В то же время, по крайней мере, в качестве прозвища или фамилии слово *Tolk* встречается, например, в Финляндии — в указанной шведской и финской (*Tulkki*) формах — с первой половины XV в. (видимо, раньше всего на юге и юго-западе страны): *Antti Tulkki* (1420 г.), *Jonis Tulkj u Laurens Tulkinpoysa* (буквально «сын толмача») (1433 г.), *Henrik Tolck* (1496 г.), *Anders Twlck* (1508 г.) и т. д.²³ Сложно сказать, указывало ли в подобных случаях прозвище на знание русского, нижненемецкого или, может быть, финского языка. Однако среди жителей Финляндии, прозываемых в том или ином смысле «толмачами», уже в 1523 г. обнаруживается человек, который, весьма вероятно, владел именно русским (хотя все аргументы в пользу такого предположения косвенные).

Речь идет об *Альбрехте Толмаче* (*Albrecht Tolk*), который в 1523–1525 гг. занимал должность коронного фогта Яаски (шв. Яскис) и нескольких соседних территорий на Карельском перешейке (на границе с Россией)²⁴. Он сравнительно ча-

²¹ DF 5369 // *Diplomatarum Fennicum*. URL: <http://df.narc.fi/document/5369> (дата обращения: 05.11.2021). — Об участии представителей церкви в шведских посольствах в Россию в XVI в. см.: Толстиков А. В. Католические и лютеранские клирики в составе шведских дипломатических миссий в Россию в XVI веке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 87–95. URL: https://uchzap.petsu.ru/files/redaktor_pdf/1622097753.pdf (дата обращения: 19.11.2021).

²² DF 5203 // *Diplomatarum Fennicum*. URL: <http://df.narc.fi/document/5203> (дата обращения: 11.11.2021).

²³ *Vilkuna K., Huitu M., Mikkonen P., Paikkala S. Suomalainen nimikirja*. Helsinki, 1984. S. 805–806. — Для сравнения: «Фамилия *Tolk* встречалась на северо-востоке нижненемецкого и на востоке восточноевропейского ареалов: в ливонских городах, а также Данциге и Кенигсберге» (*Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород. С. 143).

²⁴ В литературе Альбрехт Толмач часто называется фогтом Эврепяя — видимо, потому, что в административном отношении Яаски и Эврепяя были разделены на два округа (херада) только в 1556 г., а упомянутые в документе помимо Яаски территории («волости» Мула, Пилакс и Нючурка, или по-фински Муолаа, Пихлайнен и Уусикиркко) как раз относились к Эврепяя. Кстати, в 1537 г. на должность фогта Эврепяя был назначен некий Альбрехт Педерссон. См.: *Konung Gustaf den Förstes registratur* (далее — KGR): 29 Bdn. Bd. XI. Stockholm, 1888. S. 319. URL: <https://gupea.ub.gu>.

сто упоминается в источниках до 1556 г., в том числе в связи с пожалованиями как в Финляндии, так и в Швеции²⁵. Альбрехту, по-видимому, как минимум в качестве администратора доводилось немало общаться с российскими купцами, поскольку в 1525 г. при возвращении ему имущественных прав в число последних были включены и права на «все то имущество, которое он привез от русских из своих поездок (собрал с русских в своих поездках?)» (*all then deel han wþborit haffuer wtaff hans foror aff rytzszerna*). А на российско-шведских переговорах 1526 г. российская сторона обвинила его вместе с другими «свенами²⁶, которые служат в выборгском замке» (*nogre swener som tiäna på viborgs slåt*), в незаконной конфискации товара одного из новгородцев (шведская сторона настаивала на законности конфискации и отрицала участие в ней свенев). Самое сильное, хотя и не неопровержимое, свидетельство знания Альбрехтом русского языка — отправка его осенью 1544 г. вместе с Бертилем Толмачом (то есть, вероятно, Бертилем Йоранссоном) в Стокгольм, где к тому времени переговоры с прибывшим из России посольством застопорились из-за отсутствия переводчика (о Бертиле и об этом эпизоде см. ниже). Наконец, когда позднее, в 1556 г., во время войны с Россией в Выборге объявился некий татарин *Biszura* (заявивший, что его с письмом в Швецию отправил плененный царем казанский хан, очевидно Ядгар-Мухаммед), выяснение его реальных мотивов появления в Стокгольме тоже доверили Альбрехту Толмачу (вместе с Симоном Вольдером)²⁷.

Таким образом, можно предполагать, но нельзя утверждать, что Альбрехт Толмач владел русским языком. Однако даже если так и если его прозвище указывает именно на знание русского (что, конечно, не обязательно), то все равно для 1520-х и начала 1530-х гг. (а Альбрехт, напомним, назван *Tolk* уже в 1523 г.) у нас нет свидетельств качественного изменения ситуации в сфере дипломатического перевода и формирования социoproфессиональной группы «русских толмачей», занятых в этой сфере. Такие свидетельства появляются несколько позднее²⁸. Обращает на себя внимание и то, что в наших источниках он нигде не именуется буквально «русским толмачом» — в отличие от всех нижеупомянутых более или менее надежно

---

se/handle/2077/54139 (дата обращения: 18.11.2021); *Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia III: Suomenlahdelta Laatokalle. Lappeenranta, 2010. S. 512*. М. Валта отождествляет его с нашим Альбрехтом Толмачом, но основания для такого отождествления не вполне надежны (хотя, в принципе, не исключено, что это был один и тот же человек): *Walta M. Virkamiesmatrikkeli 1523–1634 // Academia.edu. S. 2*. URL: https://www.academia.edu/53134307/Virkamiesmatrikkeli_1523_1634 (дата обращения: 24.09.2021).

²⁵ По любопытному совпадению (см. ниже о Микеле Андерссоне) происходило это в Вестманланде, неподалеку от Вестероса.

²⁶ В данном случае под «свенами» (*svenner*), очевидно, подразумеваются представители слоя дворянства, стоявшего ступенькой ниже так называемых рыцарей (*riddare*).

²⁷ KGR. Bd. I. Stockholm, 1861. S. 170. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/37430> (дата обращения: 18.11.2021); Bd. II. 1864. S. 141, 155, 247–248. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/37548> (дата обращения: 18.11.2021); Bd. III. 1865. S. 149, 152–153. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/44514> (дата обращения: 18.11.2021); Bd. VIII. 1883. S. 253, 279. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/52404> (дата обращения: 18.11.2021); Bd. IX. 1885. S. 61, 71, 385. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/53239> (дата обращения: 18.11.2021); Bd. XI. S. 65; Bd. XIV. 1893. S. 19, 409. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/54982> (дата обращения: 18.11.2021); Bd. XVI. 1895. S. 688–689. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/56077> (дата обращения: 18.11.2021); Bd. XXVI. 1911. S. 527, 534. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/60773> (дата обращения: 18.11.2021). См. также: *Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia III. S. 59*.

²⁸ Примеры причастности Альбрехта к области дипломатии относятся к более позднему времени, для которого нам уже известны другие *rysettolkar*.

идентифицируемых переводчиков. Впрочем, этому последнему обстоятельству, по-видимому, не стоит придавать решающего значения (см. ниже о Бертиле Йоранссоне, который в источниках тоже часто фигурирует только как *Tolk*).

Сама проблема возникновения лексемы *ryssetolk* в данном контексте принципиально важна. Подчеркнем, что, по-видимому, кроме *ryssetolk*, в шведском языке в рассматриваемый период не существовало, да и сейчас не существует композитов (по крайней мере, столь же широкоупотребительных), соединяющих указание на занятие переводчика с названием конкретного языка, на котором он специализируется. Такая исключительность лишней раз подчеркивает значимость института «русских толмачей» в истории Швеции и заставляет обратить внимание на время появления в источниках первых упоминаний о *ryssetolkar*.

Если верить «Словарю Шведской академии», самый ранний пример относится к 1537 г.²⁹ Прежде чем прокомментировать его чуть подробнее, сразу отметим, что данное свидетельство неплохо согласуется с некоторыми другими, и это позволяет нам в целом отнести зарождение шведского корпуса «русских толмачей» для дипломатических нужд к рубежу 1530 и 1540-х гг. Во-первых, известно письмо Густава Васы от 19 апреля 1543 г. стренгнесскому епископу Ботвиду с упоминанием о возвращении отправленного несколько лет назад в Россию для изучения русского языка молодого человека (*then vnge karll, som wij för någre åår seden heden iffrå oss och till Rysland, vdj then acht och mening, att han skulle öffwe och bruke sig vdj thet Ryske tungemåll, vtskickede, är nu hijtt till oss igen kommen*), а также с приказом епископу прислать к королю русского, который вместе с другими его соотечественниками «давно» (*en tijd long*) находится в Швеции ради изучения шведского языка³⁰. К сожалению, информацией о деталях и участниках этого «студенческого обмена» мы не располагаем, но сам факт его осуществления и заинтересованность в этом короля указывают на осознание потребности в квалифицированных специалистах-переводчиках на российском направлении шведской дипломатии. Во-вторых, приблизительно в то же время документы российско-шведских переговоров, по-видимому, перестают составляться на латыни. Последний по времени российско-шведский договор, сохранившийся в латиноязычной версии, был заключен в 1537 г. (договор о шестидесятилетнем перемирии)³¹. Между прочим, примерно тогда же и в остальной Западной Европе роль латыни как универсального языка дипломатических переговоров начала слабеть. При дворах Генриха VIII, Франциска I и Карла V обычным стало вести переговоры с послами через переводчиков³². Думается, неслучайно как раз с 1540-х гг. в наших источниках растет число упоминаний «русских толмачей».

Итак, наиболее ранняя фиксация в шведских источниках лексемы *ryssetolk* относится к 1537 г. и содержит также имя — первого из известных нам людей, недвусмысленно названных именно «русскими толмачами»: *Larens van Värnen*. Если

²⁹ Ryss-tolk // Svenska akademiens ordbok. URL: https://www.saob.se/artikel/?unik=R_3321-0121.g75OU_R3321_95111 (дата обращения: 11.11.2021).

³⁰ KGR. Bd. XV. 1893. S. 229–230. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/54713> (дата обращения: 29.10.2021). — Далее в настоящей статье высказывается предположение, что этот вернувшийся из России молодой человек — Бертиль Йоранссон.

³¹ См.: Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. IV. S. 181–194.

³² Mattingly G. Renaissance Diplomacy. P. 236–237.

читать по-нижненемецки, к чему подталкивает орфография, то это *Ларенс фан Фернен*, или в более привычной нам верхненемецкой форме — Лоренц фон Вернен. Его имя и то, что он, по-видимому, жил в Выборге, заставляет опять вспомнить о возможном влиянии ганзейской традиции изучения русского языка, хотя, вообще-то, мы ничего не знаем об этом человеке и его происхождении (скорее всего, он принадлежал к одной из многочисленных немецких семей Выборга, которые обычно были тесно связаны с ганзейской торговлей). Вся информация ограничивается одним предложением в перечне коронных пожалований за 1537 г., где Ларенс фан Фернен назван «русским толмачом», получающим доходы с двух дворов выборгской капеллы Марии Магдалины (речь, очевидно, идет о пребенде): «*Larens van Värnen, rydzsetolcken i Viborg, haffver ij Marie Magdalene gotz*»³³.

Немного больше мы знаем о другом «русском толмаче» на королевской службе примерно того же времени — *Микеле (Микаэле) Андерссоне (Michel Andersson)* (ум. не ранее 1571). Впервые он упоминается в сентябре 1540 г. в одном из писем Густава Васы, по словам которого Микель заявил, что «намерен на всю жизнь остаться здесь у нас в королевстве и показать нам и королевству... свою преданную, надежную и верную службу» (*achter så lenge han liffuier, bliffua her hoss oss i rigith och bewise oss och rigit... szin plichtige och hulle tro tiäniste*), в чем принес присягу (в тексте о нем дважды написано «наш русский толмач» — «*wår Riiske*³⁴ *Tolk*»). И потому король предоставил ему из «особого расположения и милости» (*aff wår szynnerlig gunst och nåde*) право заниматься торговлей в Стокгольме наравне с прочими шведскими подданными³⁵. По всей видимости, Микель являлся иностранцем, но очень сложно определить, откуда он был родом. В письме он несколько раз именуется *Michel Riisz* (или скорее *Riisz*, в заголовке — *Rüdz*), то есть Русский, что, в принципе, может указывать на происхождение из России³⁶. Велик соблазн предположить, что он был одним из тех самых молодых людей, которые, как отмечалось выше, где-то на рубеже 1530 и 1540-х гг. прибыли из России, чтобы выучиться шведскому языку. Но, увы, у нас недостаточно информации для подобного вывода. Теоретически Микель мог быть выходцем, к примеру, из ливонского города, где, как мы помним, было немало переводчиков с русского языка, хотя этому, кажется, противоречит

³³ Asiakirjoja, jotka valaisevat Suomen kameralisia oloja: 7 v. V.2. Helsinki, 1892–1908. S. 15.

³⁴ Так в публикации, но, возможно, здесь следует читать *Riiske*. Ср. в рукописи: Riksarkivet (Stockholm) (далее — RA). Riksregistraturet (далее — RR). 1539–1542. Fol. 88v. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/A0038502_00101 (дата обращения: 16.10.2021).

³⁵ KGR. Bd. XIII. 1891. S. 127–128. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/54396> (дата обращения: 16.10.2021). См. также: *Tarkiainen K. Rysstolkarna som yrkeskår 1595–1661*. S. 495 (сноска 6). — В июле 1558 г. король предоставил «Микелю Андерссону, русскому толмачу» (*Michill Anderssonn, rydze tolk*) право вести «здесь в королевстве» (*her i rikett*, при повторном упоминании пожалования в августе того же года — «здесь в Швеции», *här udi Sverige*) торговлю наравне с прочими подданными: (KGR. Bd. XXVIII. 1914. S. 311, 352. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/62181> (дата обращения: 20.10.2021)).

³⁶ См., в частности, примеры такого прозвища в Выборге середины XVI в. у людей с явно русскими именами: *Wasilij Rüdz, Ansiffra rydz, rydz fedder, griske rydz, Ignath Rydz* и т. д.: *Nissilä V. Viipuri nimistön valossa // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Osa 3*. Helsinki, 1978. S. 117. URL: <https://wiipuri.fi/app/uploads/2018/08/Toimite-3.pdf> (дата обращения: 16.10.2021). Кстати, в январе 1537 г. Густав Васа выдал рекомендательное письмо человеку, названному «*Demant Riis Borgare vdiij store Nogård*» (так в публикации). Это стоит, вероятно, читать как «Демант Русский [*Riis — Riis*], бюргер Великого Новгорода». Чуть позднее Демант (Дементий?) фигурирует в одном ряду с «другими русскими в Стокгольме» (*then Demant och flere the Rysser ther i Stocholm*). См.: KGR. Bd. XI. S. 218, 306.

также встречающееся в письме 1540 г. именование его только по отчеству, *Michell Anderszon* (без упоминания прозвища), что для немецкой антропонимии рассматриваемого периода выглядит нетипично³⁷.

Судя по всему, по меньшей мере с конца 1540-х гг. Микель был связан главным образом с Вестеросом, где он владел недвижимостью и где проживал³⁸. Кстати, очень возможно, что перебрался он туда благодаря удачной женитьбе. По крайней мере, в августе 1548 г. некий «Микель Русский, вестеросский бюргер» (*Mechiill Rydz, borgare vtj Westeraåds*) после смерти своей жены поделил в Стокгольме ее наследство с местным мастером по изготовлению кошелев (*pungemakare*) Эриком (очевидно, родственником не названной по имени супруги Микеля). Эрику достался каменный дом, а Микель, помимо движимого имущества жены, получил деревянный дом в шведской столице (с сохранением права первоочередной покупки за Эриком и его наследниками). Причем в протоколе стокгольмского городского суда, где записаны условия сделки, отмечено, что Микель сохранил и свой двор в Вестеросе³⁹. Далее, известно, что в феврале 1557 г. *Michell Andersson Rysseltolck* получил от Густава Васы «на вечные времена» королевский двор неподалеку от вестеросского собора⁴⁰. А ранее, в ноябре 1551 г., монарх пожаловал ему (*vår troo tienere och rysselolk, Michil Andersson*) на угодный самому Густаву («угодный нам») срок (*oss til behagelig tijd*) доходы с двух королевских дворов в Апальбю под Вестеросом, в приходе Св. Илии⁴¹. В мае следующего года Густав распорядился прислать ему из Вестероса «мед, который сварил Микель Русский» (*thenn miöd, som Michel Ryss han bländede*)⁴².

³⁷ Заметим, что в шведских документах середины XVI в. русское отчество Андреевич могло передаваться как *Andersson*. К примеру, так последовательно именовался новгородский наместник Федор Андреевич Булгаков (*Fädder Andersson Bulgakoffuo, Fedder Andersson Bulgakoff* и т. п.) в грамотах Эрика XIV от октября 1561 г., а также от января и декабря 1563 г.: RA. RR. 1561. Okt. — Dec. Fol. 28. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/A0038528_00037 (дата обращения: 19.10.2021); 1563. Sept. — Dec. Fol. 302v. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/A0038533_00313 (дата обращения: 19.10.2021); 1563. Jan. — Aug. supplement. Fol. 1v, 3, 4v, 6, 29v. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/A0038534_00006 (дата обращения: 19.10.2021).

³⁸ Отметим, что в одном из писем Эрика XIV в марте 1567 г. упоминается некий *Michil Rysseltolck*, проживавший тогда в Финляндии, на ленсманском дворе рядом с Выборгской крепостью (*en ländzmanns gård som Michil Rysseltolck besitther, hwilkenn är Wijborgz befästningh wäll belägen*). Двор было решено забрать под нужды администрации, и король написал замковому фогту Бертилю Йоранссону (еще один «русский толмач», о нем будет сказано ниже), чтобы тот отпустил Микеля «сюда в Швецию» (*må thu lathe förbe:te Tolck, komme hijt til Swerige*) и заверил его, что ему будет предоставлен другой двор (*Handlingar till upplysning af Finlands häfder: 10 d. / utg. af A. I. Arwidsson. D. 10. Stockholm, 1858. S. 153–154*). Однако представляется маловероятным, что это наш Микель Андерсон из Вестероса. Видимо, речь идет о еще одном толмаче.

³⁹ *Stockholms stads böcker från äldre tid. Andra serien. Tänkeböcker: Ny följd. D. I / utg. genom J. A. Almquist. Stockholm, 1936. S. 298–299*. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/58667> (дата обращения: 27.10.2021). — В августе 1551 г. *Mechil Rydz* упоминается еще раз в связи с делом наследства уже умершего Эрика: *Ibid. D. II. 1937. S. 138*. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/58666> (дата обращения: 27.10.2021).

⁴⁰ KGR. Bd. XXVII. 1913. S. 23–24. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/61832> (дата обращения: 20.10.2021). См. также: *Ros J. Tre prebendegårdar: Bebyggelse från 1200-talet i Proban i Västerås: Arkeologisk undersökning i form av schaktningsövervakning. Västerås, 2021. S. 46*. URL: https://www.kmmd.se/PageFiles/332/KM2021_35.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

⁴¹ KGR. Bd. XXII. 1904. S. 403–404. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/58775> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴² *Ibid. Bd. XXIII. 1905. S. 275*. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/59660> (дата обращения: 20.10.2021).

Едва ли известные королю и проживавшие в одно время в Вестеросе Микель Русский и «русский толмач» Микель Андерссон — два разных человека (см. также ниже эпизод с отсылкой Микеля Русского из Финляндии).

Сведений об участии Микеля Андерссона в каких-либо дипломатических миссиях у нас нет. В апреле 1553 г. Густав Ваза в письме своим доверенным лицам в Финляндии, Хенрику Классону Горну (Хурну) и Нильсу Бойе, упомянул о некоем лазутчике Микеле, который только что вернулся из поездки с разведывательным заданием в Россию (*then Michell, som var förskicket till Rydzland*)⁴³. Вообще, «русские толмачи» занимались шпионажем (см. ниже о Хенрике Маттссоне), но неизвестно, кто был именно этот Микель (он вполне мог являться, например, тем толмачом, который в 1567 г. жил в Выборге и о котором шла речь выше (см. сноску 38)). Зато мы знаем, что наш Микель Андерссон вскоре после начала российско-шведской войны 1555–1557 гг. находился в Финляндии, возможно, при короле. Причем он вызвал у Густава некие подозрения, которые, на наш взгляд, следует считать косвенным свидетельством если не его русского происхождения, то наличия «опасных связей» с врагом (поездки в Россию или контакты с русскими, оказавшимися в Швеции?). В письме короля герцогу Эрику (будущему Эрику XIV) от 7 сентября 1555 г. из Хельсинки говорилось, что «его величество отправляет Микеля Русского опять в Вестерос по некоторым особенным причинам, и пусть Бу Ульссон (вестеросский замковый фогт. — *Авт.*) тайно следит и присматривает за ним, [за тем,] чем он занят и т. д.» (*Kong:e M:t skicker Michill Rydz till Vesterász igen för någre synnerlige orsaker skull, och skall Boo Olson haffve hempligen upseende och acht opå honom, hvadt som han haffver för hender etc.*)⁴⁴. Впрочем, как следует из вышеприведенного факта пожалования Микелю в 1557 г. двора в Вестеросе, доверие к нему Густава Вазы оказалось быстро восстановлено.

Последнее известное нам упоминание о Микеле Андерссоне относится к 1571 г.: в составленном тогда (в связи с «эльвсборгским выкупом») списке налогоплательщиков Вестероса значится *Mickel Rysstolk*⁴⁵.

Как «русский толмач» с конца 1540-х гг. фигурирует в шведских источниках **Ханс Ларссон Скальм** (*Hans Larsson Skalm*) (ум. не позднее 1586). Он принадлежал к финляндскому дворянству и по его имени в юго-западной Финляндии прозывался *till Heikkilä*⁴⁶. Как пишет М. Валта, в 1553–1555 гг. он был фогтом в Хельсинки, а в 1555–1556 гг. — в Эврепяя⁴⁷. Уже в апреле 1548 г. в письме Густава Вазы Ханс Скальм упоминается как «русский толмач» (*Ryske Tolck Hans Schalm*), ему поручалось

⁴³ Ibid. Bd. XXIV. 1906. S. 72. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/59666> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴⁴ Ibid. Bd. XXV. 1910. S. 407. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/60261> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴⁵ *Kumlien K. Västerås genom tiderna: Monografi. D. II. Västerås, 1971. S. 595; Forsell A. Sverige 1571: Försök till en administrativ-statistisk beskrifning öfver det egentliga Sverige, utan Finland och Estland. H. 1. Stockholm, 1872. S. 96.*

⁴⁶ *Ramsay J. Frälsesläkter i Finland intill Stora ofreden. Helsingfors, 1909–1916. S. 400. URL: <http://runeberg.org/frfinl/0418.html> (дата обращения: 19.09.2020); Skalm i Finland nr 144 // *Adelsvapen-Wiki*. URL: https://www.adelsvapen.com/genealogi/Skalm_i_Finland_nr_144 (дата обращения: 27.05.2021). — См. исправления и уточнения к выводам Ю. Рамсай в статье Э. Антони: *Anthoni E. Huru oriktiga uppgifter skapas: Undersökningar kring ätten Skalm i Finland nr 144 // Historisk tidskrift för Finland. 1963. Nr. 2. S. 77–86.**

⁴⁷ *Walta M. Virkamiesmatrikkeli 1523–1634. S. 49.*

сопровождать до Стокгольма находившегося в Финляндии еще с осени российского посланника⁴⁸. В 1555 г. король также послал ему русскоязычную грамоту для перевода⁴⁹. Вероятно, доставивший Ивану IV грамоту короля Густава от 20 апреля 1560 г. Ыван Лаврентьев — это именно Ханс Скальм⁵⁰. Возможно, что он же и Ганус Лаврентьев, которого планировалось в 1561 г. отправить в Россию с посольством Нильса Крумме (впрочем, кто бы то ни был, никакой Ханс Ларссон с посольством Нильса Крумме не поехал)⁵¹. В 1573 г. Ханс Скальм был приставом при российских послых, участвовал в неудачном шведском походе 1579 г. на Нарву, в 1581 г. сопровождал российских пленных из занятой шведами Корелы (Кексгольма). В 1581 и 1582 гг. он служил при наместнике Выборгского замка. Умер до ноября 1586 г., когда были подтверждены имущественные права его вдовы. В документе, адресованном вдове, в частности, сказано, что ее покойный муж «до самой смерти состоял на государственной службе в качестве русского толмача и часто направлялся послом в чужие страны» (*esomoftast blef försckickad till främmande nationer för en legat*)⁵².

Один из самых знаменитых и сделавших самую заметную карьеру «русских толмачей», **Бертиль Йоранссон** (*Bertil Jöransson, Jörensson* или *Göransson*, в русских источниках — Пантелей Юрьев) (ум. 1580), также, скорее всего, начал свою деятельность еще в 1540-х гг. По всей видимости, получивший в 1544 г. право беспшлянного пользования рыбной тоней в приходе Яскис (фин. Яаски) Бертиль Толмач (*Bertill Tolk*)⁵³ — это именно Бертиль Йоранссон⁵⁴. Возможно, он же — тот Бертиль Толмач (*Berill Tolk*), который должен был осенью 1543 г. отправиться в Данию вместе с вышеупомянутым Хенриком Классоном Горном (доверенным лицом короля в Финляндии), и тот, которого Густав Васа (находившийся тогда в Упсале) отправил

⁴⁸ KGR. Bd. XIX. 1901. S.204. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/58193> (дата обращения: 27.10.2021).

⁴⁹ Ibid. Bd. XXV. 1910. S.436. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/60261> (дата обращения: 27.10.2021).

⁵⁰ Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. СПб., 1910. Т. 129, ч. 1 / отв. за вып. В. В. Майков, Н. Д. Чечулин. С. 75. — Не исключено, что имелся в виду другой Ханс Ларссон, Бьернрам (ум. 1571), который ездил послом в Россию в 1564 и 1566 гг.; но, по мнению Н. Анлунда, речь шла все же о Скальме: *Ahnlund N. Hans Larsson (Björnram) // Svenskt biografiskt lexikon*. Bd. 4. Stockholm, 1924. S. 656–661. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/18331> (дата обращения: 19.09.2020).

⁵¹ Планируемый состав посольства (опасная грамота от царя, февраль 1561 г.): РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. № 1. Л. 205. — Ср. с «верющей» грамотой (май 1561 г.): Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 129. С. 86.

⁵² *Ramsay J. Frälseläkter i Finland intill Stora ofreden*. S. 400. URL: <http://runeberg.org/frfinl/0418.html> (дата обращения: 19.09.2020). См. также: *Skalm i Finland nr 144 // Adelsvapen-Wiki*. URL: https://www.adelsvapen.com/genealogi/Skalm_i_Finland_nr_144 (дата обращения: 27.05.2021); *Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika*. Helsinki, 1918–1920. S. 209. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167604> (дата обращения: 19.09.2020). — «Русским толмачом» был и сын Ханса Ларссона, Юхан Скальм (*Johan Skalm*) (ум. 1578) — русские источники называют его Иваном Скалмом. В 1575–1576 гг. он ездил гонцом в Россию, затем упоминается как один из присутствовавших на застолье в Выборгском замке в 1578 г. В том же году его и Ханса Бюдде отправили со шведскими войсками на российскую границу, где он, судя по всему, погиб. Похоронили Юхана Скальма в выборгском соборе. См.: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 129. С. 346–349; *Ramsay J. Frälseläkter i Finland intill Stora ofreden*. S. 400; *Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika*. S. 209.

⁵³ KGR. Bd. XVI. S. 359–360.

⁵⁴ Так считает М. Валта, который упоминает пожалования Бертилю Йоранссону начиная с 1543 г.: *Walta M. Virkamiesmatrikkeli 1523–1634*. S. 16.

в октябре 1544 г. вместе с упоминавшимся выше Альбрехтом Толмачом в Стокгольм для переговоров с прибывшим туда российским посольством (*skicke wij till eder tesse wåre tienere Bertill Tolk och Albricht Tolk, må i strax oförsumeligen fordra aff samme Rysser theris wårff j skriffter eller muntligen*), поскольку представители королевской власти в шведской столице посетовали в письме Густаву на отсутствие в их распоряжении хорошего толмача (*en godt Tolk*)⁵⁵. Здесь точно не сказано, что переговоры должны были вестись именно по-русски, но общий контекст, кажется, указывает на это. Не мог ли Бертиль Толмач / Бертиль Йоранссон (хотя, повторим, у нас нет абсолютной уверенности в их тождественности) быть тем самым «студентом по обмену», который изучал русский в России и о возвращении которого король сообщал в Стренгнес весной 1543 г.?

В июне 1546 г. король из Грипсхольма прислал выборгским наместникам Монсу Нильссону и Густаву Финке в копиях два полученных им ранее от них же документа: письмо от Ивана IV на русском языке и сделанный по приказу наместников его шведский перевод (не сказано, кто его делал). К этим двум текстам был приложен еще один шведский перевод, который был заново выполнен по приказу уже самого короля (опять-таки не сказано кем — не Микелем ли Андерссоном, к примеру?). Густав просил отдать теперь русскую грамоту на перевод (не показывая два существующих варианта) Бертилю Толмачу, который, по словам короля, «возможно, лучше разберется, чем эти другие» (*må j än nw lathe bertil tolk vttolke på swenske om han til ewijntyrs kunde ffinne bättre på meningh än tesse andre giort haffue*), то есть, вероятно, лучше, чем предыдущие переводчики⁵⁶. Из данного любопытного документа следует, что, несмотря на упоминавшиеся выше (в связи с событиями 1544 г.) сложности с переводческими кадрами, все же некоторые возможности найти специалистов имелись, однако квалификация последних могла ставиться под сомнение, тогда как репутация Бертиля Толмача была весьма высока.

Известно, что Бертиль Йоранссон пользовался благосклонностью Густава Васы. Он ездил гонцом в Россию в конце 1558 г.⁵⁷, а возможно, также в 1559 г. (русские источники называют гонца, доставившего тогда грамоту, Пантелейко⁵⁸). Позднее Бертиль Йоранссон участвовал в российско-шведских переговорах 1561, 1567, 1574 и 1575 гг.⁵⁹

⁵⁵ KGR. Bd. XV. S. 548–550; Bd. XVI. S. 688–689.

⁵⁶ Handlingar till upplysning af Finlands häfder. D. 1. No. 152 / utg. af A. I. Arwidsson. Stockholm, 1846. S. 284–285.

⁵⁷ Бертиль Йоранссон в том же 1558 г. инспектировал вместе с Класом (Клаусом) Кристерссоном Горном (Хурном) (ум. 1566) и фогтом Бертилем Йонссоном российско-шведскую границу в Выборгском замковом лене.

⁵⁸ Не исключено, правда, что это был другой «русский толмач», Бертиль Ларссон, однако самые ранние сведения о последнем относятся к 1566 г. (см.: *Svalenius I. Rikskansliet i Sverige 1560–1592*. S. 177), а явных упоминаний о его отправке с дипломатическими миссиями в Россию нам обнаружить не удалось. Кстати, «Пантелейко», кто бы он ни был, в 1559 г. добился от царя отпуска на родину нескольких пленных шведов, в том числе — некоего Федки-толмача (см.: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 129. С. 61). О последнем у нас нет иных сведений, но интересно отметить, что в 1543 г. в Выборге зафиксирован некий *Pheder tolck* (*Nissilä V. Om yrkesbeteckningar av svenskt ursprung i Karelens släktnamn och ortnamn // Studier i Nordisk Filologi*. Vol. 58. Helsingfors, 1971. S. 196).

⁵⁹ В именном указателе «Сборника ИРИО», имеющем отдельную пагинацию, указано: «Бартель (Юрьев, Пантелей), до Стремснешь, Влас, шведский толмач (Bertill Jörensonn till Strömsnäs, tolk)» (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 129. С. 2).

В 1547–1555 гг. Бертиль Йоранссон занимал должность фогта херада (округа) Лаппвеси (фин. Лаппее) в Выборгском замковом лене. В феврале 1559 г. был возведен в дворянское достоинство с фамилией Мъехюнд (*Mjöhund*, по родовому владению Стремснес — по-фински Юливеси, под Выборгом — именовался также иногда *Bertil Jörensso till Strömsnäs*), в том же 1559 г. упоминается как комендант (*slottsloven*) Выборгского замка и одновременно как заместитель окружного судьи (херадсхевдинга) на сессии суда херада Эврепяя. В 1566–1568 гг. являлся выборгским замковым фогтом. Его женой была Элисабет Якобсдоттер (ум. не ранее 1584), дочь Якоба Скальма и, соответственно, дальняя родственница Ханса и Юхана Скальмов (они приходились внуком и правнуком двоюродному брату Элисабет, Хансу Скальму)⁶⁰.

Следует, пожалуй, подчеркнуть, что буквально «русским толмачом» Бертиль Йоранссон именуется чаще в литературе. В источниках он обычно упоминается по имени и отчеству, к которым иногда добавляется либо название должности, либо прозвище *Tolk* (и, как было показано выше, на ранних этапах карьеры, в 1540-х гг. — если, конечно, верна наша идентификация, а также в 1560-х⁶¹ и, например, в 1575 г., когда он был уже одним из послов: *Bertill Jörensso till Strömsnäs, tolch*⁶²). Впрочем, как минимум один пример упоминания его именно как «русского толмача» тоже есть, хотя он и довольно поздний (сентябрь 1573 г., в письме короля Юхана III): «...*wår tiänere och rydzetolck Bertill Jörensso...*»⁶³.

Таким образом, по всей видимости, начало формирования социопрофессиональной группы «русских толмачей» в Швеции следует относить к рубежу 1530–1540-х гг. Именно тогда впервые фиксируется само слово *ryssetolk* (хотя владевшие русским языком толмачи, в том числе действовавшие в дипломатической сфере, не обязательно назывались буквально так). Тогда же шведское государство предпринимает специальные меры для ликвидации кадрового голода в отношении дипломатических переводчиков с русского языка, а на переговорах представителей двух стран, по всей видимости, перестает использоваться латынь. С того же времени мы знаем и имена нескольких «русских толмачей» (хотя имеющиеся свидетельства неполны и подчас противоречивы, так что при их интерпретации к предположениям придется прибегать чаще, чем хотелось бы).

Уже в данный период можно заметить черты, которые будут характерны для «русских толмачей» второй половины XVI в. Во-первых, связь с Финляндией и прежде всего с Выборгом. Во-вторых, служба фогтами, особенно на Карельском пере-

⁶⁰ KGR. Bd. XXVIII. S. 382–383, 461–462, 471, 525; Bd. XXIX. 1916. S. 4, 6–7, 33–35, 110, 114. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/62660> (дата обращения: 27.10.2021); *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar*. D. I / utg. af O. S. Rydberg. 1877. S. 496; *Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia III*. S. 97, 103–104, 106–107, 110–111, 511–513; *Ramsay J. Frälsesläkter i Finland intill Stora ofreden*. S. 282. URL: <http://runeberg.org/frfinl/0295.html> (дата обращения: 27.05.2021); *Skalm i Finland nr 144 // Adelsvapen-Wiki*; *Anthoni E. Huru oriktiga uppgifter skapas*. — Кстати, другой «русский толмач», упоминаемый с конца 1550-х гг. Хенрик Маттссон (ум. 1565), был племянником (сыном сестры) Бертиля Йоранссона. См.: RA. *Kopiesamling I*. Vol. 132 (F.d. *Avskriftsamling*. Vol. 15). Horn av Aminne, Klas Kristersson. Registratur 1558–1561. Fol. 74v–75 // *Codices Fennici*. URL: <https://www.codicesfennici.fi/items/show/254> (дата обращения: 20.11.2021).

⁶¹ «*Bertill Jörensso, tolch*» — такая запись зафиксирована в октябре 1566 г. См.: *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar*. D. IV. S. 551.

⁶² *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar*. D. V / utg. af O. S. Rydberg och C. Hallendorff. S. 19–20. — Ср. в русском переводе: «...Пантелея Юрьевича к Стремсншау толмача» (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 129. С. 305).

⁶³ *Bidrag till Finlands historia: 7 d. / utg. genom R. Hausen*. D. V. Helsingfors, 1917. S. 60.

шейке, на границе с Россией (возможно, правда, что и до того знание русского языка имело значение для пограничных фогтов, например для Альбрехта Толмача). Другие две особенности пока не настолько ярко выражены, как это будет впоследствии, но именно потому они заслуживают упоминания. Итак, в-третьих, изучение русского языка в ходе специальных поездок в Россию. Даже если Бертиль Йоранссон и не участвовал в «студенческом обмене» рубежа 1530 и 1540-х гг., то сам факт отправки и возвращения одного такого студента сомнению не подлежит, так что соответствующая практика, которая будет широко распространена в дальнейшем, уже начала складываться. Наконец, в-четвертых, отношения родства и свойства между «русскими толмачами». Впрочем, мы не знаем, когда Бертиль Йоранссон женился на Элисабет Якобсдоттер, да и родство последней с толмачом Хансом Скальмом было сравнительно дальним. А остальные приведенные выше свидетельства (родство Хенрика Маттссона с Бертилем Йоранссоном и наследование профессии Юханом Скальмом) относятся к более позднему времени. Но, думается, так и должно быть, если мы говорим о периоде становления социопрофессиональной группы, поскольку разрастание связей между ее членами является как раз признаком оформления и закрепления статуса группы, что, по-видимому, произойдет в 1560-х гг. Тогда же, кстати, появятся «русские толмачи», служащие главным образом в шведской столице⁶⁴. Судя по всему, в рассматриваемое время они там на постоянной основе не присутствовали. Подтверждает это случай 1544 г., когда пришлось отправить в Стокгольм Альбрехта Толмача и Бертиля Толмача; впрочем, как показывает другой эпизод, 1546 г., некоторые возможности найти переводчика с русского не из пограничного Выборга у короля все же имелись. Связь же со Стокгольмом Микеля Андерссона, как представляется, определялась не его службой, о которой вообще практически ничего не известно, а случайными обстоятельствами. Недаром позднее, если только верна наша идентификация, он перебрался в Вестерос.

References

- Ahnlund N. Hans Larsson (Björnram). *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, Bonnier Publ., 1924, vol. 4, pp. 656–661.
- Angermann N. Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Rußland. *Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag*. Stuttgart, Steiner Publ., 1998, pp. 221–250.
- Anthoni E. Huru oriktiga uppgifter skapas: Undersökningar kring ätten Skalm i Finland nr 144. *Historisk tidskrift för Finland*, 1963, nr. 2, pp. 77–86.
- Batkin L. M. Ital'ianskoe Vozrozhdenie: Problemy i liudi. Moscow, RGGU Publ., 1995, 448 p.
- Bessudnova M. B. «Neobychnaia torgovlia» kak faktor vidoizmeneniia russko-ganzeiskikh otnoshenii v XV — nachale XVI veka. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo*, 2019, vol. 23, issue 5, pp. 1–5. (In Russian)
- Bessudnova M. B. *Russko-ganzeiskaia torgovlia v pervoi polovine XVI veka*. St Petersburg, Evraziia Publ., 2021, 480 p. (In Russian)
- Cáceres-Würsig I. The *jeunes de langues* in the Eighteenth Century: Spain's First Diplomatic Interpreters on the European Model. *Interpreting*, 2012, vol. 14, issue 2, pp. 127–144.
- Forsell A. *Sverige 1571. Försök till en administrativ-statistisk beskrifning öfver det egentliga Sverige, utan Finland och Estland*. Stockholm, P. A. Norstedt & söner Publ., 1872, issue 1, 350 p.

⁶⁴ Tarkiainen K. Moskoviten. S. 211.

- Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. *Viipurin läänin historia III. Suomenlahdelta Laatokalle*. Lappeenranta, Karjalan Kirjapaino Oy, 2010, 528 p.
- Korpela J. *Viipurin läänin historia II. Viipurin läänin synty*. Lappeenranta, Karjalan Kirjapaino Oy, 2004, 363 p.
- Kumlien K. *Västerås genom tiderna. Monografi*. Västerås, Västerås stad Press, 1971, vol. 2, 653 p.
- Lund K.-Kh. K pervomu opyту diplomaticheskogo perevoda s russkogo na datskii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2011, issue 4, pp. 51–68. (In Russian)
- Lund K.-Kh. Perevodchik Nil's Munk i iazykovoi aspekt datskikh diplomaticheskikh otnoshenii s Rossiei v pervye dva desiatiletia XVII v. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2017, issue 1, pp. 7–33. (In Russian)
- Lund K.-Kh., Ivanova O. V. Khenrik Olufsen — datskii perevodchik XVI v. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2012, issue 5, pp. 88–111. (In Russian)
- Lund K.-Kh., Ivanova O. V. Pod znakom Severa: iazykovoi aspekt datskikh diplomaticheskikh otnoshenii s Rossiei v kontse XVI v. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2014, issue 5, pp. 87–109. (In Russian)
- Maier I., Droste H. Från Boris Godunov till Gustav II Adolf: översättaren Hans Flörich i tsarens och svenska kronans tjänst. *Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures*, 2010, no. 50, pp. 47–66.
- Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. Boston, Houghton Mifflin Publ., Cambridge, The Riverside Press, 1955, 323 p.
- Mel'nikova E. A. Drevnerusskie leksicheskie zaimstvovaniia v shvedskom iazyke. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniia: 1982 god*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 62–75. (In Russian)
- Nissilä V. Viipuri nimistön valossa. *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita*, Helsinki, [s. n.], 1978, vol. 3, pp. 88–168.
- Nissilä V. Om yrkesbeteckningar av svenskt ursprung i Karelens släktnamn och ortnamn. *Studier i Nordisk Filologi*, Helsingfors, Svenska litteratursällskapet i Finland Publ., 1971, vol. 58, pp. 185–200.
- Oborneva Z. E. *Perevodchiki s grecheskogo iazyka Posol'skogo prikaza (1613–1645 gg.)*. Moscow, Publ. House IaSK, 2020, 328 p. (In Russian)
- Ramsay J. *Fräresläkter i Finland intill Stora ofreden*. Helsingfors, Söderström Publ., 1909–1916, 592 p.
- Roland R. A. *Interpreters as Diplomats. A Diplomatic History of the Role of Interpreters in World Politics*. Ottawa, University of Ottawa Press, 1999, 208 p.
- Ros J. *Tre prebendegårdar: Bebyggelse från 1200-talet i Proban i Västerås. Arkeologisk undersökning i form av schaktningsövervakning*. Västerås, Print. Stiftelsen Kulturmiljövård, 2021, 60 p.
- Rothman E. N. *The Dragoman Renaissance. Diplomatic Interpreters and the Routes of Orientalism*. Ithaca, Cornell University Press, 2021, 392 p.
- Skvairs E. R., Ferdinand S. N. *Ganza i Novgorod: iazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*. Moscow, Indrik Publ., 2002, 368 p. (In Russian)
- Svalenius I. *Rikskansliet i Sverige 1560–1592*. Stockholm, Print. Riksarkivet, 1991, 290 p.
- Tarkiainen K. Bengt Mattson och Johan Bengtsson Roselin — två generationer svenska slavister i början av 1600-talet. *Äldre svensk slavistik*, Uppsala, Print. Slaviska institutionen, 1984, pp. 12–24.
- Tarkiainen K. *Moskoviten. Sverige och Ryssland 1478–1721*. Helsingfors, Svenska litteratursällskapet i Finland Publ., 2017, 484 p.
- Tarkiainen K. Rysstolkarna som yrkeskår 1595–1661. *Historisk tidskrift*, 1972, vol. 92, no. 4, pp. 490–522.
- Tarkiainen K. Venäjätulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661. *Historiallinen arkisto*, 1969, vol. 64, pp. 5–136.
- Tawaststjerna W. *Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika*. Helsinki, Print. Suomen historiallinen seura, 1918–1920, 784 p.
- Tolstikov A. V. Katolicheskie i liuteranskie kliriki v sostave shvedskikh diplomaticheskikh missii v Rossiiu v XVI veke. *Uchënye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, vol. 43, issue 4, pp. 87–95. (In Russian)
- Vilkuna K., Huitu M., Mikkonen P., Paikkala S. *Suomalainen nimikirja*. Helsinki, Otava, 1984, 925 p.

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2021 г.

Рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Received: December 3, 2021

Accepted: June 8, 2022